

Николай БИРЮКОВ,
Виктор СЕРГЕЕВ

Парламентская деятельность и политическая культура

Проблема создания представительной демократии возникла в канун Нового времени как часть более общей проблемы — рационального устройства общества. Вдохновленные успехами математики и естественных наук крупнейшие мыслители XVII—XVIII веков пытались не только осмыслить взаимоотношения человеческого разума с внешним миром, но и понять природу общества. «Левиафан» Т. Гоббса, «Два трактата о правлении» Дж. Локка, политические работы Г. Лейбница, «Письма к провинциалу» Б. Паскаля, «О духе законов» Ш. Монтескье и «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо по значимости и оригинальности идей сравнивались с великими достижениями античности: «Государством» Платона и «Политикой» Аристотеля.

История науки показывает, что стремление понять природу и попытки рационально сконструировать общество, сделав его формы осмысленными, тесно взаимосвязаны между собой. Как развитие науки и философии в «Золотой век» Перикла совпало с волной революций в греческих полисах, вызвавших к жизни прямую демократию, так и интеллектуальные достижения Нового времени породили новые формы государственности — представительную демократию и идею разделения властей.

Среди множества проблем, связанных с исследованием общества и построением рациональной системы управления им, основанной на идее «естественных прав» человека и изначального равенства человеческих существ, можно выделить несколько основных.

Первая проблема — истоки государственного суверенитета и возникновения сотрудничества между эгоистическими индивидами. Если изначально все люди равны и суверенны, то каким образом из хаоса индивидуальных стремлений возникает человеческое общежитие с его внутренней расчлененностью, иерархией и отношениями власти? Что вообще было началом гражданского общества? Этот вопрос, поставленный Гоббсом, привел его к следующему выводу: началом гражданского общества следует считать *общественный договор*, заключенный индивидами, которые уступили свои суверенные права государству для того, чтобы избежать естественного состояния «войны всех против всех». Тема общественного договора стала главным предметом обсуждения в следующем столетии вплоть до Великой французской революции и явилась теоретической базой представительной демократии, т. е. политической системы, при которой граждане передают свои права устанавливать законы избранным ими представителям. Подобное понимание демократии с акцентом на представительстве «воли народа» особенно ярко и динамично выражено в трактате Руссо.

Отсюда возникает *вторая проблема*: каким образом избежать тирании со стороны нового — «избранного» — суверена? В теоретическом плане эта проблема была рассмотрена Монтескье,

---

Бирюков Н. И. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного института международных отношений.

Сергеев В. М. — доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заместитель директора Аналитического центра по научной и промышленной политике РАН.

предложившим знаменитый принцип *разделения властей*, позднее практически осуществленный при создании Североамериканских Соединенных Штатов.

Недостаточность обоих принципов (демократического представительства и разделения властей) выявили события во Франции в 1793—1794 годах, когда демократически избранный Конвент, формально действовавший в условиях разделения властей и провозглашенной Декларации прав человека, установил тем не менее кровавую диктатуру, жертвами которой стали многие инициаторы демократической революции, в том числе из состава самого Конвента.

Создание политических механизмов, защищающих общество от неограниченной власти, даже той, которая избрана им самим, стала *третьей основной проблемой* исследований демократической политической мысли. Свое решение данная проблема нашла в идее *свободы политической деятельности*, т. е. свободы создания политических организаций, интегрирующих и отстаивающих интересы различных социальных групп общества.

Итак, три идеи — политическое представительство посредством прямых выборов, разделение властей, свобода политической деятельности — теоретический базис современной демократии.

Несмотря на кажущуюся ясность, достигнутую еще в дебатах XVII—XVIII веков, позднее выявилась сложная проблема *перехода к демократии*. В отличие от теоретических исследований того, *что* такое демократия, продолжающихся до настоящего времени¹ с самого начала носивших нормативный характер, проблема перехода к демократии требует исследований «дескриптивных»², поскольку и стартовые условия, и пути развития различных обществ к демократии столь отличаются друг от друга, что построение умозрительных моделей (в духе наших недавних дискуссий о необходимости авторитарной фазы при переходе от тоталитаризма к демократии) вряд ли может претендовать на нечто большее, чем изречения оракула.

Часть этой проблемы — исследование взаимоотношения тоталитаризма и массового сознания как продукта «стандартизации человека», порожденной промышленной революцией, сознания того самого «человека массы», внимание к которому было привлечено Х. Ортегой-и-Гассетом³. Хотя тоталитаризм представляется явлением, порожденным уникальными условиями современности, «человек массы», в психологии которого усматривают, как правило, корни этого явления, — отнюдь не «новый» человек. В основе своей это человек, пронизанный традиционной, «домассовой» культурой. Перед исследователем встает поэтому серьезный вопрос: как связаны между собой традиционная культура и феномен тоталитаризма?

Тоталитаризм XX века противостоит идеям парламентаризма, и это можно рассматривать как результат противостояния иррационального «массового сознания» рациональной коллективной деятельности «лучших» представителей общества. Но подобное противопоставление немедленно влечет за собой серию вопросов о том, в каком смысле избранные представители народа считаются «лучшими» и как реально осуществляется в стенах парламента коллективная деятельность по выработке законодательства.

Почему вообще следует считать, что «ум хорошо, а два лучше»? Тем более, учитывая, что в парламенте «умов» не два, а несколько сот? Мы ведь знаем, в частности, из опыта поведения в толпе, который в той или иной степени есть у каждого из нас, что это далеко не всегда так.

¹ См., например, Dahl R. *Dilemmas of Pluralist Democracy (Anatomy vs. Control)*. New Haven, 1982; Dahl R. *A Preface to Economic Democracy*. Berkeley, Los Angeles, 1985. Исследование институциональной стороны демократии — одна из ведущих областей политологии в США и Великобритании. Относительно изучения политической культуры, в рамках которой функционируют демократические институты, см. Verba S. *Elites and the Idea of Equality: A Comparison of Japan, Sweden and the United States*. Cambridge, Mass., 1987; Putnam R. D. *The Comparative Studies of Political Elites*. Englewood Cliffs, 1976; Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass., 1981.

² См., например, *The Transition to Democracy: Proceedings of a Workshop National Research Council*. Washington, 1991.

См. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. «Вопросы философии», 1989, № 3—4. Позднее эта тема развивалась в работах представителей Франкфуртской школы (см. Marcuse H. *One Dimensional Man*. Boston, 1964, а также написанную еще во время войны, но оказавшую огромное влияние на современные «постмодернистские» исследования общества книгу Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*. New York, 1972).

В каких условиях представители народа, собранные в парламенте, будут вести себя разумнее, чем толпа? И что вообще означает «мудрое» решение группы людей?

Ясно, что для того чтобы множество людей вело себя хоть сколько-нибудь разумно, должен существовать определенный разумный порядок их взаимодействия. Нужна некая социальная организация, структура, которая воплощается в правилах поведения, т. е. в процедуре. В процессе обсуждения проблем члены парламента взаимодействуют друг с другом, аргументируют свое мнение, обмениваются знаниями. Процесс парламентской деятельности по выработке решений — это, в сущности, тот же процесс изменения структуры знаний, который, в соответствии с новейшими представлениями о мышлении, выработанными в рамках когнитивной науки и исследований в области искусственного интеллекта, происходит в сознании одного человека при обдумывании и принятии решения⁴. Отличие состоит в том, что при коллективном принятии решения процесс трансформации знаний экстерниоризован. Программа, определяющая ход рассуждений, вынесена вовне и превращена в процедуры, регламентирующие деятельность организации. В конечном счете любая организация — это своего рода «искусственный интеллект», только реализованный не в компьютерном процессоре, а в социальных процедурах, уставах и регламентах, регулирующих ее деятельность⁵. При этом огромная часть работы происходит, конечно, в сознании людей, составляющих эту организацию, но чем жестче процедуры, тем более предсказуем (и более контролируем) результат.

Используя метафору «искусственного интеллекта», попробуем ответить на вопросы: в какой мере можно такую деятельность, как парламентская, назвать разумной; умнее ли коллектив одного человека и для чего вообще нужно коллективное принятие решений? По-видимому, коллектив вряд ли может быть умнее одного исключительно умного человека, но ставка при создании парламентской системы сделана совсем не на это: коллектив, составленный из обычных, «средних» людей, может (при определенных условиях) быть умнее каждого из них в отдельности. И роль процедуры — обеспечить эти условия. Но — что еще важнее — публичный характер дискуссий делает «мышление» такого коллективного разума доступным наблюдателю и, следовательно, контролю со стороны тех, кто делегирует депутатов. А это трудно представить в отношении даже избранного народом лидера, который принимает свои — возможно, более компетентные — решения в тиши кабинета после приватных обсуждений с советниками.

Таким образом, парламентская идея противостоит как популистской, так и «аристократической» критике, явно или неявно ориентирующимся на авторитарное правление.

Трудность заключается, конечно, в том, что далеко не всегда парламент соответствует критерию «коллективной разумности». Иногда он превращается в толпу, дирижируемую и манипулируемую искусными демагогами⁶, иногда раскалывается на множество враждующих групп, которые лишь мешают друг другу прийти к какому-нибудь разумному решению по какому бы то ни было вопросу, обрекая сам парламент на паралич и демонстрируя «неразумность» лежащих в его основе принципов, что в конечном счете неизбежно ведет к росту авторитарных настроений в обществе.

Исследование условий, при которых происходят подобные срывы, а также способов их предупреждения, иными словами, предпосылок устойчивости представительных органов власти — центральная проблема изучения представительной демократии. В какой-то мере эти вопросы поднимались в известных работах К. Эрроу⁷. Основная идея этих работ — выявление обстоятельств, при которых процедура принятия решений большинством голосов становится неэффективной. Так, Эрроу сформулировал парадокс, состоящий в том, что при наличии более чем двух альтернатив

⁴ Интересно отметить, что метафора «сообщества» индивидов оказалась весьма плодотворной при создании моделей интеллектуальной деятельности (см. M i n s k y M. *The Society of Mind* New York, 1985).

⁵ См. Сергеев В. М. Искусственный интеллект как метод исследования сложных систем. «Системные исследования. 1984». М., 1985

⁶ О границах «разумности» в принятии коллективных решений см. A r t y u s h k i n V. F., Belyayev A. V., Sandler Y. M., Sergeev V. M. *Neural Networks Ensembles as Models of Interdependence in Collective Behavior*. «Mathematical Social Sciences», 19 (1990).

⁷ См., например, Arrow K. J. *Social Choice and Individual Values* (Cowles Commission Monograph, 12). New York, 1951.

единственным условием, гарантирующим эффективное принятие решений в любых обстоятельствах, является наличие «диктатора», способного предписывать голосующим, как им следует голосовать. Хотя исследования деятельности коллективных органов принятия решений посредством анализа голосований посвящена огромная литература⁸, вопрос о том, каким образом и в какой мере обнаруженные теоретические возможности неэффективности связаны с теми или иными политическими реалиями, остается, тем не менее, открытым.

Основной предпосылкой «голосовального» подхода к изучению представительных политических институтов являлась презумпция независимости волеизъявления голосующих и соответствующая ей «атомарная» картина голосования. Между тем в действительности парламент представляет собой политический институт, который «состоит» из множества внутренних структур — как формальных, так и неформальных. Описанию этих структур и изучению взаимоотношений парламента с другими политическими институтами общества посвящены многие работы и конкретного, и общетеоретического плана, выдержанные в духе традиционного институционального анализа. Такие исследования велись и в отношении представительных институтов отдельных стран, и в компаративной перспективе.

Недостатки чисто институционального подхода к изучению парламента состоят в том, что он не в состоянии объяснить различий в функционировании внешне и структурно схожих институтов в неодинаковых социокультурных контекстах. Так, структурно почти идентичные представительные институты Латинской Америки и США функционируют совершенно по-разному. Не имея возможности развивать здесь далее критику чисто институционального подхода, мы должны обратить внимание хотя бы на то, что *формально* представительные институты так называемых «стран народной демократии» (Народная палата, Сейм, Скупщина, Федеральное собрание и т. п.), равно как и Верховные Советы СССР и союзных республик, были политическими учреждениями того же типа, что и парламента западных демократий. Фактически же различия в их деятельности были огромны: в Советском Союзе и в странах Восточной Европы представительная власть функционировала как плебисцитарный институт под строгим идеологическим контролем.

Институциональный анализ, бесспорно, является необходимым компонентом исследования деятельности представительных институтов, но сам по себе он оказывается недостаточным. Чем он должен быть дополнен?

Парламент — не только «социальный механизм», устроенный и действующий по определенным правилам. Это — организация, т. е. совокупность, с одной стороны, структур, правил взаимодействия и, с другой стороны, живого сознания людей, составляющих как сам депутатский корпус, так и обслуживающий его аппарат. Следовательно, совокупность знаний, привычек, поведенческих стереотипов, социальных установок людей, действующих в парламенте, самым существенным образом влияет на его функционирование. Такой подход к изучению организации, акцентирующий внимание исследователя на неформальных социокультурных факторах, на ее «внутренней среде», стал ведущим направлением в науке о менеджменте, начиная с работ Г. Саймона 40—50-х годов⁹.

Применение этого подхода к исследованию деятельности представительных учреждений позволяет значительно углубить ее понимание, особенно в тех случаях, когда представительные учреждения действуют в культурной среде, значительно отличающейся от той, в которой зародилась сама идея парламентаризма.

В то же время следует отметить, что концентрация внимания на голосовании как на основной деятельности парламента — следствие весьма «узкого» понимания природы процесса принятия решений. При таком видении проблемы итоговое коллективное решение представляется просто суммой индивидуальных решений лиц, составляющих коллектив. Может быть, такой подход и был бы оправдан, если бы голосующие сидели в отдельных комнатах, не имея возможности общаться друг с другом. В действительности же именно это общение — в комиссиях, комитетах,

---

⁸ См. классическую работу в этой области, оказавшую большое влияние на позднейшие исследования, Alker H. R., Russett B. H. *World Politics in the General Assembly*. New Haven, 1965.

⁹ Simon H. A. *Administrative Behavior*. New York, 1957. См. также автобиографию Г. Саймона (Simon H. A. *Models of My Life*. «Basic Books», 1991). Дальнейшее развитие этого круга идей см. March J. G., Olsen J. P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. London, 1989.

наконец, непосредственно в ходе сессий на заседаниях и в кулуарах — составляет даже не фон, а фундамент парламентской деятельности. Сложный процесс выработки результирующих документов («строительство» текста, новые идеи, дебаты, аргументы) — вот тот материал, с которым (по необходимости) должен иметь дело исследователь парламентской деятельности.

Но, разумеется, специфика парламента как организации состоит в том, что парламент — институт представительной власти.

А. Бирч в книге «Представительство» выделяет три основных смысла этого понятия: 1) делегирование полномочий; 2) «типичность», обладание типичными, средними характеристиками некой группы лиц; 3) символ¹⁰.

Парламент реализует все три смысла представительства. Депутаты — представители, делегированные избирателями. Парламент в целом — «представитель» нации, так сказать, нация в миниатюре. Наконец, он — символ нации. Деятельность парламента как организации определяется этими тремя смыслами «представительства». Голосование — частичная реализация только первого из них. Тот же, первый, смысл представительства лежит в основе и другого важнейшего вида парламентской деятельности — переговоров. Парламент — это система постоянно ведущихся переговоров.

В определенных ситуациях парламент должен действовать, реализуя второй смысл представительства — нации в миниатюре. Особое значение эта функция приобретает в критических для общества ситуациях. Так, например, конституции большинства демократических стран закрепляют за парламентами право объявления войны. В этой ситуации предполагается, что парламент выражает реакцию общества на политическую ситуацию. Но адекватное отражение мнения общества возможно лишь в условиях постоянно поддерживаемой связи с обществом, и здесь огромную роль играет наличие в обществе эффективной системы обмена информацией, прежде всего свободных средств массовой информации.

Наконец, третий смысл — представительство как символ — также важен для понимания роли и функций парламента в общественной жизни. Парламент символизирует демократию, и в случае угрозы демократическому строю именно парламент как символ этого строя оказывается под наибольшей угрозой со стороны противников демократии и основным объектом защиты ее сторонников. Достаточно вспомнить события в Прибалтике в январе 1991 года или в августе того же года в Москве.

Анализ этой символической функции представительного института особенно важен для понимания судеб Съездов народных депутатов СССР и России. Легитимность демократической политической системы неразрывно связана с эффективностью деятельности ее представительных институтов. Неэффективный парламент, теряя роль символа, одновременно подрывает и легитимность той политической системы, в рамках которой она функционирует. В рамках советской политической культуры символическая роль Съезда вообще имела огромное значение.

Важнейший вопрос, неизбежно возникающий у исследователя, анализирующего деятельность представительных институтов государственной власти в социальной среде, политическая культура которой существенно отличается от той политической культуры, которая породила эти представительные институты, состоит в следующем: как влияет политическая культура общества на реализацию каждой из упомянутых трех функций представительства? Соотношение этих функций будет, очевидно, заметно меняться в зависимости от той культурной традиции, в рамках которой создается и действует представительный институт. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить, что такое политическая культура¹¹

Политическая культура — это те базисные знания о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и определяют для нее понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них¹². Знание этого рода может быть и, как правило, является

¹⁰ См. Birch A. N. Representation. London, 1971, p. 15.

¹¹ Тот философский базис, на котором основывается понимание политической культуры, развиваемое в настоящей статье, существенно отличается от базисных представлений, характерных для американской политологии, и в целом находится в русле европейской традиции. Наиболее существенными для формирования самого представления о политической культуре были работы М. Вебера, К. Манхейма, М. Хайдеггера, М. Фуко, из современных социологов — Э. Гидденса и П. Бордье.

¹² Ср. точку зрения К. Манхейма: «Строго говоря, утверждать, что индивид мыслит, вообще неверно. Значительно вернее было бы считать, что он лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он обнаруживает себя в унаследованной ситуации, в обладании соответствующими данной ситуации моделями мышления и пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, возникшие из сдвигов и преобразований данной ситуации» (Манхейм К. Идеология и утопия, ч. 1. М., 1992, с. 27.).

неосозанным. Именно по этой причине, не будучи подвержено рефлексии, оно и срабатывает столь «безотказно» — не потому, что оно адекватно интерпретируемой ситуации, а потому, что никакой альтернативы ему нет: другие способы понимания и поведения просто не известны. Такое знание организовано в чрезвычайно общие концептуальные схемы, которые не могут быть подтверждены или опровергнуты опытом, так как сами представляют собой способы интерпретации опыта (и мира в целом). Неудачу же любой конкретной интерпретации всегда можно объяснить неучетом какого-то из бесчисленных обстоятельств, а не недостатками самой интерпретационной схемы.

Хороший пример такой схемы — космоэтический дуализм, т. е. представление о том, что любое событие в мире — эпизод и результат борьбы двух сил: Добра и Зла. Эта схема сама по себе неопровержима, так как с ее помощью можно истолковать любую ситуацию, тем более что заранее не определено, кто именно представляет силы Добра, а кто — силы Зла. Политическая культура, сложившаяся в СССР, весьма склонна к дуализму этого типа: если раньше мировые драмы представлялись борьбой сил социализма и империализма, то теперь — борьбой демократии и партократии, государства и мафии и т. п.

Для описания политической культуры общества необходимо выделить основные типы знаний, используемых для оценки ситуаций и принятия решений¹³. Эти знания целесообразно разделить на три группы: социальная онтология, ценности, операциональный опыт.

Чтобы действовать, надо представлять себе ситуацию, понимать, что существует в настоящий момент. Поскольку многообразие конкретных ситуаций бесконечно, необходимо иметь достаточно общие категории, которые позволили бы эти ситуации типологизировать, с тем чтобы в дальнейшем оценить их и выработать сценарий действия. Та система категорий, которая типологизирует социальные ситуации, и есть социальная онтология¹⁴. Когда говорят, например, о том, что «воля советского народа сорвала злобные проiski империализма», предполагается, во-первых, что существует советский народ как субъект политического действия, во-вторых, что существует нечто, определяемое как «воля народа» (тем самым вновь в применении к народу используется метафора «субъекта»), в-третьих, что существует такой субъект действия, как «империализм», также обладающий волей, поскольку он способен осуществлять «злобные проiski», и, наконец, что эти субъекты могут непосредственно взаимодействовать. Разложенное на составляющие элементы, все это выглядит, конечно, несколько гротескно, но когда за подобной фразой стоит, к примеру, интервенция советских войск в Венгрию в 1956 году, фраза начинает «обращать» реальность.

Конечно, за каждой социальной онтологией, т. е. общей концептуальной моделью социальной реальности, стоит довольно сложная система знаний (как правило, неосозанных), «структура

---

¹³Предварительную версию типологии, используемой в настоящей статье, а также развернутое обсуждение проблем, возникающих при создании типологий такого рода, см. Сергеев В. М., Цымбурский В. Л. Когнитивные модели принятия решений в приложении к политологии и истории. «Компьютеры и познание». М., 1990.

¹⁴О роли базисных онтологических представлений для интерпретации исторической реальности см. Сергеев В. М. Типы осмысления политического развития. «Ученые записки Тартуского государственного университета», 1987, № 751. В этой работе вводится базисное для последующего анализа политической культуры России противопоставление процедурного (метафора «шагов») и процессуального (метафора «организма») понимания политического развития. В первом случае социальная реальность предстает исключительно как взаимодействие субъектов политической деятельности и политических институтов, т. е. рассматривается как целиком «рукотворная». Во втором случае политическое развитие — это или «поток истории», подчиненный независимым от человека законам, или своеобразная «жизнь социального организма»; на оба можно влиять, но изменить их природу нельзя. Приложение контрверзы «процедурность — процессуальность» к исследованию конкретной политической ситуации см. Parsin P. B., Sergeev V. M. Conceptual Reconstruction and Conflict Resolution: Further Reflections on the Caribbean Crisis (доклад на конференции Ассоциации международных исследований, Вашингтон, 1990).

предпонимания», позволяющая эту схему применять¹⁵. Полезность введения социальной онтологии как теоретического конструкта мы продемонстрируем в дальнейшем при анализе преемственности дореволюционной и послереволюционной политической культуры в России.

Следующий важнейший тип знаний, определяющих политическую культуру, — ценности. Ценности — чрезвычайно сложные конструкты, непосредственно связанные с социальной онтологией. Онтология дает возможность описывать ситуации, типологизировать их. Ценности выделяют в этой типологии некоторые особые типы ситуаций и приписывают этим ситуациям определенную степень «приемлемости» или «неприемлемости». Для пояснения рассмотрим в качестве примера такую ценность, как справедливость, важную в политической жизни вообще и в парламентской в частности¹⁶.

Существуют два основных понимания справедливости: как «распределительная» и как следование закону. Идея распределительной справедливости предполагает (социально-онтологический аспект), что существует некий «ресурс», который распределяется между некоторым числом субъектов («получающих») особым деятелем («распределяющим»), который, вообще говоря, может входить и в число «получающих». Распределение осуществляется в соответствии с некоторым «принципом», следование которому и есть «справедливость».

Второе понимание справедливости — следование закону — можно свести к первому, если полагать, что суд (или любой другой государственный институт, поддерживающий закон) «воздаст по заслугам», т. е. распределяет награды и наказания. Тогда «закон» становится «принципом» распределения, и второй вариант толкования справедливости редуцируется к первому.

Введение подобной структуры ценности позволяет легко интерпретировать различия в понимании этой ценности субъектами политической деятельности. Из ситуативного контекста, в котором упоминается, например, «справедливость», можно установить, кто имеется в виду под «распределяющим», кто — под «получающим», какой «ресурс» подлежит распределению и в соответствии с каким «принципом». Такая же схема интерпретации, предполагающая семантическое разложение понятия, может быть использована и при анализе других ценностей как компонентов политической культуры.

Понимание структуры ценностей особенно важно при исследовании представительных институтов власти, так как ценности — это основа аргументации в политических дебатах, а политические дебаты — основной субстрат парламентской деятельности. Обычная схема политической аргументации — демонстрация того, что обсуждаемое действие ведет к состоянию, которое оценивается позитивно или негативно и поэтому должно быть принято или отвергнуто. В связи с этим возникает весьма важный вопрос об иерархии ценностей, так как разные стороны в дебатах могут апеллировать к разным ценностям, и достижение взаимопонимания предполагает существование более или менее общей иерархии ценностей.

И структура ценностей, и их иерархия — важнейшие компоненты политической культуры, и многие конфликты в переходные моменты истории, когда меняется политическая культура, связаны с тем, что при этом происходит также ломка структуры и иерархии ценностей. В нашем случае практически весь период перестройки можно рассматривать как период ломки иерархии ценностей: от «социальной справедливости» и «порядка», т. е. от идеи всемогущего государства, занимающегося

¹⁵ Идея «предпонимания» как основа субъективной онтологии, как «жизнь внутри языка», была предложена М. Хайдеггером (см. Heidegger M. *Poetry, Language, Thought*. New York, 1971). О связи этой идеи с «постмодернистским» подходом к социальным исследованиям см. Habermas J. *The Philosophical Discovery of Modernity*. Cambridge, Mass., 1987. В докладе, представленном одним из авторов этой статьи на конференции Ассоциации международных исследований в Ванкувере (1991), рассматриваются различные типы «предпонимания» социальной реальности и предлагаются семантические основания для построения типологии предпонимания. См. Sergeev V. M. *Precedent Logic and Building of International Order. Using the Past to Construct the Future (Exemplification and Models of Pre-Understanding)*.

¹⁶ Обсуждение роли ценностей в политическом диалоге и связанной с этим типологии аргументации см. Сергеев В. М. Структура политической аргументации в «Мелийском диалоге» Фукидида. «Математика в изучении средневековых повествовательных источников». М., 1986. Об интерпретации лингвистической структуры ценностей см. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественно-языковая аргументация и логика практического рассуждения. «Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект». М., 1988.

распределением и поддерживающего законность, к «правам человека» и «рынку», т. е. к самоуправлению и свободе экономической деятельности.

Если посмотреть на политические дискуссии периода перестройки, нетрудно заметить, что изменение иерархии ценностей составляло основной стержень этих дискуссий. С этой точки зрения «гласность» можно рассматривать как невероятных масштабов «университет» по изменению политической культуры в стране. Трагедия заключалась, однако, в том, что другие важнейшие компоненты политической культуры (социальная онтология и операциональный опыт) в этих дискуссиях практически не затрагивались и существенным изменениям не подверглись. Да и внутренняя структура ценностей, по сути дела, осталась практически неизменной.

Между тем иерархия ценностей — наименее стабильный компонент политической культуры. Внутренняя структура ценностей и социальная онтология гораздо более консервативны. Изменения в иерархии ценностей определяют направление социальной трансформации, так сказать, эволюцию на «макроуровне». Но на «микроуровне» — в повседневной жизни, которая и составляет сущность социума — социальная онтология и структура ценностей гораздо важнее.

Поэтому и «перестройку» можно рассматривать как некий «макродвиг» в политической культуре, именно *пере-стройку*: инициаторы этой политики нашли для нее вполне адекватное название. Если использовать «материаловедческую» метафору, можно сказать, что они разрушили сцепление между блоками материала, не изменив его природы, и превратили монолит в щебень. Но если иметь в виду выход из состояния «застоя», задача заключалась в изменении природы социума на «микроуровне», в изменении его качества, что, скорее, напоминает процесс полимеризации, радикально меняющий свойства исходного материала.

Наконец, последний компонент политической культуры — *операциональный опыт*. Это совокупность приемов, выработанных в рамках данной политической культуры и используемых для разрешения типичных проблем. Его можно рассматривать как набор стереотипных сценариев поведения в стандартных ситуациях.

В парламентской деятельности особое значение приобретают создание коалиций для проведения решений и, соответственно, операциональный опыт по созданию таких коалиций. Хорошей иллюстрацией к этой проблеме является диалог Ш. де Голля и П. Рейно накануне поражения Франции в 1940 году. Рейно, занятый в то время формированием правительства «решительных действий», включил в состав планировавшегося кабинета маршала А. Петена, которого никак нельзя было причислить к сторонникам подобной политики. На вопрос де Голля, зачем он это сделал, Рейно ответил, что такого человека «лучше иметь внутри, чем снаружи».

Этот пример интересен тем, что демонстрирует принципиальные различия в операциональном опыте военного специалиста с широким политическим кругозором и парламентского политика. Первый ориентирован прежде всего на решение проблем управления, для него важна эффективность исполнительской власти, определяемая ее единством. Для второго устойчивость правительства, зависящая от поддержки парламентского большинства, гораздо важнее эффективности, и его основные усилия направлены не столько на решение проблем, стоящих перед правительством, сколько на обеспечение самой возможности его существования. Этот пример имеет глубокие аналогии в истории перестройки. В известном смысле близкий по природе конфликт можно усмотреть в отношениях М. Горбачева и Б. Ельцина в период между 1987 и 1991 годами. Основу операционального опыта Горбачева к началу перестройки составляли навыки маневрирования и создания коалиций в рамках Политбюро. Он был склонен обращать внимание прежде всего на устойчивость политического руководства, чем, по-видимому, и объясняются его настойчивые призывы к согласию в ситуациях, достичь согласия в которых было, очевидно, невозможно. Ельцин же, руководствуясь совершенно иным операциональным опытом — навыками решения повседневных проблем жизни крупного региона страны, — склонялся, скорее, к последовательным жестким действиям кризисного типа. Если в Горбачеве можно видеть также и парламентского политика (не случайно и его стремление к введению парламентского правления в СССР), то в Ельцине — кризисного лидера, ориентированного на решение тяжелых конкретных проблем с помощью жестких управленческих методов. Политическая неудача Горбачева с этой точки зрения может быть объяснена тем, что тип операционального опыта, которым он владел, совершенно не

---

¹⁷ См. Де Голль Ш. Мемуары, т. 1. М., 1957, с. 80.

соответствовал степени кризисности ситуации. Этим же объясняется и неудача правительства Рейно в его попытке спасти Францию от разгрома.

В отличие от социальной онтологии, операциональный опыт гораздо более вариативен: в рамках одной политической культуры существует много разных его типов. Можно также утверждать, что операциональный опыт тесно связан с психологическим типом личности. Это легко объяснить: типовые сценарии решения проблем, как и сами проблемы, в разных сферах общественной деятельности различны, успех же политической карьеры во многом зависит от психологических особенностей конкретного человека. Человек, способный сделать прекрасную карьеру в военной иерархии благодаря своей жесткости и прямоте, вряд ли добьется такого же успеха на дипломатическом поприще, где ценятся гибкость и способность идти на компромисс. Тем не менее сфера деятельности как таковая далеко не полностью обуславливает операциональный опыт, оставляя широкий простор действию культурной традиции. Этот факт хорошо известен: достаточно сослаться на глубокие различия в стилях национальной дипломатии великих держав в начале XX века, описанные Г. Никольсоном¹⁸.

Вряд ли есть необходимость особо подчеркивать значение всех перечисленных аспектов политической культуры для парламентской деятельности вообще. Но нелишне будет отметить, что роль культурной традиции представляется особенно важной в период создания парламентских институтов в обществе, в котором этот тип политических институтов прежде отсутствовал.

Наблюдая тоталитарное общество как изнутри, так и извне, многие из тех, кто анализировал настоящее и будущее этого феномена, исходили из его неестественности и, напротив, поддерживали гипотезу о естественных правах человека, попираемых обществом такого типа. Гипотеза о естественных правах человека заставляет предположить, что тоталитаризм — это насильственно надетые на общество оковы. Сбросив их, оно обретает свободу, которая немедленно приводит к восстановлению в полном объеме естественных прав. Переход от тоталитаризма к представительной демократии с этой точки зрения представляется задачей простой и легкой, решение которой (по устранении искусственных препятствий) достигается как бы само собой.

Анализ политической ситуации в Восточной Европе начиная с осени 1989 года заставляет отнестись к подобной точке зрения с большой осторожностью. В процессе социальной трансформации выявился новый феномен — посттоталитарная фаза развития общества, многие черты которой настолько неожиданны, что поневоле напрашивается вывод: стандартные политические и экономические рецепты по реконструкции и реорганизации этого общества, направленные на то, чтобы привить ему «основные достижения мировой цивилизации», попросту не работают. И дело вовсе не в том, что рецепты эти плохи. За годы своего господства тоталитаризм преобразовал общество, создал в нем такое сознание, такие институциональные структуры и такие социальные группы, что все рецепты форсированного перехода к состоянию гармонии с «цивилизованным миром» отвергаются теми силами, которые одни только и в состоянии осуществить необходимые реформы. Результатом такого положения оказывается втягивание общества во все более углубляющийся социальный, экономический и политический кризис.

Другими словами, на пути преобразований стоит политическая культура общества. Вывод, что и говорить, малоприятный. Такую преграду не устранить ни персональными перестановками в руководстве, ни политическими декларациями о разрыве с прошлым и вступлении на новый путь. Политическая культура, прежде всего социальная онтология и операциональный опыт, обладают колоссальной инерцией. Когда проекты и начинания, ориентированные на опыт иных стран и иных культур, проецируются на систему онтологических предустановок массового сознания, они редко получают адекватное истолкование. Сами того не замечая, участники политического дискурса «переводят» термины чужой культуры на привычный язык, даже если синтаксис этого языка и не соответствует структуре той реальности, которую они вроде бы пытаются воспроизвести. В этих условиях институциональные инновации идут с большим трудом, поскольку даже микроскопические ошибки в «настройке» сложного социального механизма резко отрицательно сказываются на его эффективности. Общество же — при самом благоприятном отношении к идее реформ —

---

¹⁸ См. Никольсон Г. Дипломатия. М., 1943. О стилях дипломатии см. также Fisher G. *International Negotiations: A Cross-Cultural Perspective*. «Intercultural Press», 1980: «National Negotiations Styles». Washington, 1987.

вряд ли станет настаивать на внедрении институтов, вновь и вновь демонстрирующих свою неэффективность.

Однако тупик этот представляется безвыходным лишь на первый взгляд. Нет никаких оснований полагать, что политическая культура вообще не способна меняться. Анализ ее структуры позволяет выявить как «слабые точки», так и «узлы наибольшего сопротивления». Очевидная легкость, с которой российское общество рассталось со старой системой политических ценностей и усвоила новую, породила немало иллюзий и немало разочарований, когда эти иллюзии не оправдались.

На наш взгляд, коренная причина наших трудностей заключается в специфическом понимании сущности общественного бытия, характера и смысла политической деятельности, т. е. лежит на уровне социальной онтологии. В предельно кратком изложении это понимание сводится к тому, что общество представляет собой некое «естественное» образование, род «организма», социальные институты суть его органы, политика — одна из функций, а задача политического деятеля заключается в «правильном» отправлении этой функции. С точки зрения исследователя социальных инноваций, наиболее существенной особенностью этой «картины социального мира» является принципиальная немыслимость институциональных изобретений: новое или отрицается (все базисные атрибуты и функции общества универсальны), или рассматривается как закономерное порождение (фаза) закономерного процесса, но ни в коем случае не как человеческое открытие. Отсюда — принципиальное непонимание роли социальных институтов и, шире, «антиинституциональный» характер политического мышления вообще.

Конечно, такая социальная онтология может воспроизводиться лишь в обществе со слабо выраженной институциональной структурой, каковым и являлось традиционное российское и постреволюционное советское общество. Операциональный опыт, приобретаемый в процессе институционального творчества, в конечном счете размывает эту онтологию. Общество же, в котором функционируют институты, генерирующие институциональные инновации, представляет собой принципиально иной тип политической культуры.

Из всех институтов, созданных для выработки и проведения в жизнь институциональных инноваций, важнейшими (по крайней мере на нынешнем этапе истории) являются институты представительной демократии. С этой точки зрения судьба российских реформ напрямую зависит от перспектив российского парламентаризма. Речь идет не столько о конкретных политических решениях и акциях, сколько о смене культурной парадигмы российской политики.

© Н. Бирюков, В. Сергеев, 1995

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 93-06-11168).